

Третий том. Бессмертные.

В начале правления династии один молодой Цензор, рано получивший высокую степень на экзаменах, был отправлен с инспекционной поездкой в Фуцзянь. Там жил некий Ху Тяньбао, который, восхищаясь его красотой, каждый раз, когда Цензор поднимался в паланкин или восседал в зале суда, подстерегал его и украдкой любовался.

Цензор засомневался, почуяв неладное, но так и не смог понять причину. Мелкие чиновники также не решались говорить.

Прошло немного времени, Цензор отправился с инспекцией в другой уезд, а Ху последовал за ним и, укрывшись в отхожем месте, подглядывал за его ягодицами. Цензор заподозрил ещё больше, вызвал его и стал допрашивать.

Сначала тот отнекивался, но после применения дыбы признался:

— В действительности я, узрев вашу прекрасную внешность, не смог забыть её в своём сердце. Отчётливо сознаю, что вы — словно коричневое дерево с луны, куда не сядет простая птица. Однако дух мой воспарил и заблудился, и я, сам того не заметив, дошёл до такой непочтительности.

Цензор пришёл в великий гнев и предал его смерти под засохшим деревом.

Спустя месяц Ху явился во сне своим односельчанам и сказал:

— Я неподобающими помыслами оскорбил высокую особу, и смерть моя, несомненно, справедлива. Однако в основе лежали всё же любовь и минутное помешательство, что отличается от обычного причинения вреда людям. Чиновники преисподней лишь смеются над мной и подшучивают, но никто не гневается. Ныне чиновник преисподней пожаловал мне титул Бога-Кролика, и вверил мне ведать делами взаимной склонности мужчин к мужчинам в мире людей. Воздвигните же мне храм и возжигайте благовония.

В обычаях Фуцзяни изначально существовал обряд помолвки мужчины с женщиной как братьев по клятве. Услышав рассказ односельчан о словах из сна, люди наперебой стали скидываться на строительство храма. И вправду, отклик был как от эха: все, кто тайно сговаривался о свидании, но не мог добиться желаемого, шли туда молиться.

Сие записано в девятнадцатом томе «Сказаний, о которых не говорят».

Ху Тяньбао всего лишь восхищался, так отчего же навлек на себя беду смертоубийства? Что же было причиной?

Давайте же послушаем рассказ с самого начала.

Фуцзянь — место удивительное. Торговых судов, что сюда приходят и отсюда уходят, не счесть. Пути ведут во все стороны, народ живёт в достатке. Поскольку и сухопутные, и речные перевозки используют сии места как перевалочный пункт, корабли снуют туда-сюда беспрестанно, торговля процветает, а правительственные учреждения смотрят на это с большим вниманием.

Нынешний Священный император прослышал, что начальник управы в Фуцзяни вверху даёт взятки чиновникам министерства финансов, а внизу притесняет народ торговых флотилий, удерживая семь-восемь десятых положенных казне налоговых серебрёнок, бесчинствует в сёлах, творя всяческие злодеяния без разбора.

Священный император пришёл в великий гнев. Однако поскольку сей начальник управы глубоко врос корнями в дворцовую систему и связи его, большие и малые, необычайно запутаны, открыто разбираться было неудобно. Тогда он призвал Цензора, пожаловал ему звание инспектора и повелел тайно собрать доказательства, а при необходимости действовать по собственному усмотрению.

Сей Цензор был сыном нынешнего канцлера Императорского секретариата, лет ему было чуть более двадцати, фамилия его была Цзян, имя — Цяньшу. Два иероглифа «Цяньшу» означали «тысяча деревьев» и указывали на сливу, символизируя гордый нрав, негибимость и упорство.

Цензор Цзян в полной мере соответствовал имени, данному предками. Нравом он был гордым и непреклонным, с ним было трудно иметь дело. Грязь чиновничьих кругов была ему невыносима, каждый раз, вступая в спор, он непременно доводил дело до конца, не оставляя оппонентам ни малейшего пути к отступлению, так что при дворе у него скопилось бессчётное множество врагов. Однако происхождение его было знатным, а характер пришёлся по нраву самому Священному императору.

Среди сослуживцев были те, кто скрежетал на него зубами от ненависти, но никто не смел безрассудно действовать.

Когда соглядатаи донесли, и Священный император пришёл в ярость, он также утвердил кандидата для отправки в регион Фуцзянь с инспекцией, для проверки чиновников всех рангов. Им и стал Цензор Цзян.

Император изрёк:

— Инспектор представляет Сына Неба в его объездах владений. Те, кого он проверяет, — чиновники знатных фамилий, сановники, начальники управ, уездов и областей, — все подлежат оценке, рекомендациям и обвинениям в особом порядке. По важным делам докладывать на высочайшее решение, малые дела решать на месте. Я назначаю тебя инспектором-Цензором. Обо всех недостатках в управлении, о всех бедах армии и народа ты должен докладывать прямо, не укрываясь. Однако, если Цензор совершит преступление, наказание усиливается на три степени. Сумеешь ли сохранить чистоту?

Цзян Цяньшу, услышав сие, немедля ответил:

— Ваш слуга непременно оправдает священное доверие.

Священный император остался доволен. Взглянув на Цензора внизу в зале, стоящего стройным, как сосна, с ясными очами и белыми зубами, тонкими губами и прямым носом, с нефритовым ликом, что среди сотен чиновников при дворе затмевал все прочие краски, он подумал: среди сей сотни чиновников есть те, кто с ним соперничал и знает, что сей человек обладает превосходнейшей внешней оболочкой, а внутри — словно нож или меч, воистину Нефритоволикий Яма.

Итак, Цзян Цяньшу, получив императорский приказ, не смел нерадеть. Немедля переоделся и загримировался, приняв облик обычного купеческого отпрыска, взял с собой охрану числом около ста человек, притворился торговым караваном и отправился в Фуцзянь.

Они двигались, покрываемые звёздами и луной, и не прошло и полумесяца, как достигли окраины Фуцзяни, городка в округе. Цензор Цзян размышлял мгновение, затем сказал:

— Дабы не спугнуть змею в траве, сегодня остановимся здесь на отдых. Завтра проберёмся в город и разведем обстановку, а там видно будет.

Слуги, получив приказ, отправились исполнять.

Малый слуга подошёл, чтобы принять лошадь под уздцы, склонился и пригласил Цзян Цяньшу войти в постоялый двор и немного отдохнуть.

Городок был убогим, лишь одна гостиница смотрелась более-менее опрятно. Цзян Цяньшу уже собрался ступить, как услышал из гостиницы шум и крики, невольно нахмурился и поморщился.

— Та Лиская девица такая едкая, удивительно, что ты её полюбил.

— А мне нравится её стручковый перечный нрав. Даже если она меня два словами отчитает, у меня весь день проходит гладко и приятно.

— Ха-ха-ха, погляди на свой разнузданный вид, надо бы Лиской девице хорошенько тебя проучить.

Слуга метнул взгляд и уже собрался шагнуть вперёд с окриком, но тот его остановил, сказав лишь, чтобы не искал лишних дел. Пока они обменивались двумя фразами, из гостиницы вышел молодой человек. На первый взгляд, станом был строен, но речь полна скверных слов, а вид — отпетого хулигана.

Сей Цзян Цяньшу отроду не любил подобное мещанское поведение. Будь это в столице, он бы непременно проучил этого хулигана как следует. Но ныне, обременённый служебным

поручением, неудобно было вмешиваться в чужие дела, и он лишь в душе нахмурился, отвернулся и собрался уйти.

Тот юноша помахал рукой внутрь, со смехом сказал, что в другой день ещё пропёт два кувшина, затем обернулся и как раз столкнулся лицом к лицу с Цзян Цяньшу. Увидев, что пришедший прекрасен, как картина, тёмные сверкающие очи холодны, но с оттенком кокетства, алые губы и вовсе влажны и соблазнительны, так что страстно хотелось прикоснуться к ним, попробовать на вкус, он тут же уставился остекленевшими глазами и застыл на месте.

Он преграждал дверь и стоял столбом, не двигаясь, так что Цзян Цяньшу пришлось произнести:

— Потрудитесь уступить дорогу.

Только тогда юноша опомнился. Голос Цзян Цяньшу был низким и приятным для слуха. Юноша, неизвестно почему, покраснел до ушей, поспешно посторонился и уступил путь. Видя, как Цзян Цяньшу прошёл в дверь и направился вверх по лестнице в гостевые покои, скрывшись из виду, он не отрываясь заглядывал внутрь гостиницы.

Вышел слуга гостиницы устраивать лошадей и товары, увидел, что тот застыл у входа не двигаясь, удивился:

— Ху Тяньбао, чего ты тут уставился?

Ху Тяньбао подобострастно усмехнулся, спросил у слуги:

— Тот человек только что — совсем незнакомое лицо.

Слуга фыркнул. Ху Тяньбао происходил из семьи не бедной, хоть и не сравнить с помещиками-шеньши, но еда и одежда его не беспокоили. Вот только человек он был не любящий учиться хорошему, учился читать — не вышло, за три дня дважды доводил учителя до обморока, землю пахал — тоже не вышло, побыв на поле день-другой, на сотне му́ доброй земли мог с быком натворить полное разорение.

Дома ничего не могли поделаться, лишь позволяли ему каждый день с негодными дружками пить да есть, не помышляя о продвижении вперёд.

Городок был бедным, интересных мест тоже не имелось, так что Ху Тяньбао день-деньской сидел с этими дружками-собутельниками в гостинице с приезжими купцами, громко рассуждая, и, естественно, различал в гостинице людей знакомых и незнакомых.

К тому же, сей молодой господин прибыл с большим шумом, торговый караван насчитывал не менее сотни человек, каждый — крепкий детина. В городке людей мало, таких постояльцев — первые.

Слуга самодовольно сказал:

— Слышал, из столицы прибыли, очень богатые. Только руку протянули — золотые бобы. Хозяин мой — лицо аж треснуть от улыбки готово.

Другой бы, услышав, непременно стал бы выпрашивать о богатстве и знатности, но Ху Тяньбао не обратил внимания, ткнул слугу в бок и нетерпеливо спросил:

— Кто тебя про это спрашивает? Я про того человека, только что того человека.

— Того человека? — Слуга почесал затылок, сделал удивлённый вид. — Примерно слышал, будто молодой господин того торгового каравана. У людей большое дело, все дела ведёт управляющий, нам, мелким людишкам, нечего и говорить.

Сказав так, слуга, торопясь устраивать дела, поспешно вытолкнул Ху Тяньбао за дверь и вышел.

Оставил Ху Тяньбао одного стоять у входа. В мыслях же его был лишь прекрасный облик того молодого господина. За все свои семнадцать-восемнадцать лет жизни он отродясь не видел такого отрешённого, абсолютно прекрасного господина. Если бы удалось с ним слово-другое перемолвить, это воистину был бы дымок, поднимающийся из могил предков, что благословили его.

Если бы предки рода Ху узнали, что их потомок желает, чтобы они дымком из могил благословили его на разговор с мужчиной, они бы не сдержались и приподняли крышки своих гробов.

Что же до Цензора Цзян Цяньшу, то, поднявшись наверх, он занял один лучший номер на третьем этаже. Что до его людей, то всем распорядился управляющий. Городок хоть и не процветал, но выигрывал в тишине и покое. Видя его благородный облик, уже нашёлся сообразительный слуга, что вперёд всех пришёл прибраться и подмести. В комнате было чисто.

Цзян Цяньшу мысленно облегчённо выдохнул. По натуре он не любил грязь и беспорядок, в поездках часто бывали неудобства. Если удавалось получить чистую комнату для отдыха, это уже считалось комфортом.

Вошел слуга налить чаю, ловко распахнул окно и с улыбкой сказал:

— Господин, не смотрите, что место у нас маленькое, зато напротив гора Кленовых Листьев считается знаменитой. Комната как раз выходит на гору, господин может ею полюбоваться немного, это будет счастьем для горы Кленовых Листьев.

Говорил он бойко и гладко, только характер угадал неправильно. Цзян Цяньшу более всего не любил, когда люди говорят сладко, льстят и подхалимничают. Тотчас лицо его похолодело, и он лишь сказал:

— Выйдите. Не нужно прислуживать.

<http://bllate.org/book/15099/1411742>